

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ ТОПОНИМЫ, ЭТНОНИМЫ И ИХ ДЕРИВАТЫ В РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ: СИМВОЛЫ, ЭТАЛОНЫ, СТЕРЕОТИПЫ, ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ*

В. И. Абрамова,

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Ю. В. Архангельская

*Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого
(г. Тула, Россия)*

Аннотация. Объектом исследования являются инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты, а также фразеологические единицы, содержащие в своем составе данные компоненты и отражающие представления о Китае, китайцах и китайском в русской языковой картине мира. Авторы рассматривают анализируемые единицы, выделяя среди них эталоны, стереотипы и символы и соотнося их с лингвокультурными кодами. Анализ более тридцати собранных лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных этностереотипа, которые отражают представления русских людей о Китае и китайцах: 1) интенсивно выраженное – сложное, непонятное, странное и др. (*китайская грамота, китайские церемонии, последнее китайской предупреждение, утро китайского пчеловода* и т. п.); 2) плохое, некачественное (*шанхай, носки Шаолиня, дядюшка Ляо* и т. п.). В русской лингвокультуре указанные единицы могут не только являться стереотипами, но и обладать при этом эталонным (как *сто китайцев, как до Пекина раком, как до китайской Пасхи* и др.) или символическим значением (*китайский болванчик, китайские тени, китайская грамота*).

Ключевые слова: инокультурный топоним, этноним, фразеологизм, этностереотип, стереотип, эталон, символ, Китай, китаец, китайский.

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

FOREIGN CULTURE TOPONYMS, ETHNONYMS AND THEIR DERIVATIVES IN THE RUSSIAN VOCABULARY AND PHRASEOLOGY: SYMBOLS, STANDARDS, STEREOTYPES, LINGUOCULTURAL CODES*

V. I. Abramova,

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Ju. V. Arkhangelskaya

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(Tula, Russia)*

Abstract. The object of the research is foreign culture toponyms, ethnonyms and their derivatives, as well as phraseological units containing such components and reflecting notions of China, Chinese people and realities in the Russian linguistic picture of the world. The authors consider the analyzed

units, mark out standards, stereotypes and symbols among them and correlate them with linguocultural codes. Analysis of more than thirty lexical and phraseological units shows that there are two main ethnostereotypes in the Russian world picture, which reflect Russian people's notions of China and the Chinese: (1) intensively expressed – complicated, incomprehensible, strange, etc. (*kitayskaya gramota, kitayskiye tseremonii, posledneye kitayskoye preduprezhdeniye, utro kitayskogo pchelovoda*, etc.); (2) bad, of poor quality (*shankhai, noski Shaolinya, dyadyushka Lao*, etc.). In Russian linguoculture, these units can not only be stereotypes, but also have a reference (*kak sto kitaytsev, kak do Pekina rakom, kak do kitayskoy Paskhi*, etc.) or symbolic meaning (*kitayskiy bolvanchik, kitayskiye teni, kitayskaya gramota*) at the same time.

Keywords: foreign culture toponym, ethnonym, phraseological unit, ethnostereotype, stereotype, reference, symbol, China, Chinese.

*** The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (grant no. 19-512-18008).**

Восток и Запад в языковом сознании носителей русского языка – это не только и не столько пространственные категории, сколько в первую очередь культурные образы. Запад в русской языковой картине мира – это совокупность стран, развивающихся по типу европейской культуры, как правило, в противоположность восточной. Поэтому под Западом мы подразумеваем европейские страны, США и Канаду, а к Востоку относим не только Китай и Японию, которые действительно расположены на востоке от России, но и Турцию, Иран и другие страны, которые находятся к югу от ее границ. Культурные образы Запада и Востока, с одной стороны, соответствуют оппозиции *свой – чужой*, с древности определяющей представления людей о мире, с другой стороны, не исчерпываются ею, а подвергаются переосмыслению под влиянием исторических, политических и других факторов.

Все это становится особенно заметным при лингвокультурологическом подходе к фразеологическим единицам, включающим инокультурные топонимы и этнонимы, соотносимые с Западом и Востоком. Лингвокультурологический анализ в данном случае предполагает не столько исследование оппозиции *свой – чужой*, являющейся достаточно очевидной, естественной, сколько анализ символов, эталонов, стереотипов, в преломлении которых она осмысливается.

В последние годы лингвисты обращают внимание на инокультурные топонимы в русской языковой картине мира, что обусловлено развитием имагологии и повышением интереса к образу «другого» в разных сферах. Так, одно из заметных исследований инокультурных топонимов и этнонимов было предпринято М. Л. Лаптевой. Результатом этой работы стал словарь-справочник «“Чужое” в “своем” фразеологическом пространстве», изданный в Астрахани в 2019 году. Единицы, вошедшие в словарь, М. Л. Лаптева типологизирует следующим образом: единицы с компонентом-этнонимом, единицы с компонентом-топонимом, единицы с компонентом-антропонимом и его дериватами, единицы с компонентом-артефактом (предметом или субъектом, важным для «чужого» культурного пространства) [7].

Мы предлагаем рассмотреть фразеологизмы с инокультурными топонимами и этнонимами под другим углом зрения, выделив среди них эталоны, стереотипы и символы, а также соотнести их с лингвокультурными кодами. В данной статье объектом анализа станут лексические и фразеологические единицы, отражающие представления о Китае, китайцах и китайском в русской языковой картине мира.

Считаем нужным отметить, что, говоря о символах, эталонах, стереотипах, мы имеем в виду языковые явления. Так, языковой символ, в отличие от собственно символа, В. Н. Телия предлагает называть квазисимволом, подчеркивая, что «словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно "замещает" некоторую идею» и что «материальным

экспонентом этого замещения является не реальия как таковая, а имя» [11, с. 243]. Развивая эту мысль, М. Л. Ковшова пишет: «Мы говорим об эталоне, если реальия и вне фразеологизма служит устойчивой мерой количества или качества. Мы говорим о стереотипе, если образное описание какой-л. ситуации во фразеологизме согласуется с устойчивым представлением об образце каких-л. действий, и это представление широко отражено в деятельности, в культуре. Мы говорим о квазиэталонах и квазистереотипах в том случае, когда реалии (совокупность реалий) в образе фразеологизма не обнаруживают в пространстве культурных фактов подтверждения своей значимости – меры (квазиэталон) или образца действий (квазистереотип)» [5, с. 324].

Анализ корпуса собранных лексических и фразеологических единиц показывает, что в русской языковой картине мира существует два основных этностереотипа, которые отражают представления о Китае и китайцах: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное.

Единицы первой группы традиционны для русского сознания и часто имеют давнюю историю. Объективацией семы интенсивности в их значениях могут служить наречия «очень», «слишком», «крайне», «чрезвычайно», «сильно», «совершенно» и др. В эту группу мы отнесли такие слова и фразеологизмы, как *китаец* – ‘очень хитрый человек’; *китайский* – ‘странный, непривычный; сложный, запутанный, мудреный’ [4, с. 174]; *китайский болванчик* – ‘человек, пассивно соглашающийся с остальными’, а также ‘крайне самодовольный, ограниченный человек’; *китайская грамота* – ‘нечто очень непонятное, недоступное пониманию’; *китайский разведчик / шпион* – ‘очень хитрый, загадочный человек’, а также ‘излишне бдительные отец или мать’ (в речи подростков) [4, с. 174]; *китайская стена* – ‘нечто непреодолимое’, а также ‘нечто очень длинное’; *китайское терпение* – ‘терпение, проявленное в максимальной степени’; *китайские церемонии* – ‘излишняя, жеманная вежливость’; *как сто китайцев* – ‘очень / сильно (хитрый, голодный, усталый, злой и др.)’; *как до Пекина / Китая раком/пешком* – ‘очень далеко’ или ‘очень долго’; *как до китайской Пасхи* – ‘никогда’; *последнее китайское предупреждение* – ‘одна из угроз в бесконечном ряду предупреждений’; *утро китайского пчеловода, утро в китайской деревне* – ‘очень отекавшее лицо, чрезмерно сузившиеся глаза человека наутро после бурно проведенной ночи’.

Согласно точке зрения В. А. Масловой, этнокультурные стереотипы – это обобщенные представления о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ, кроме того, они являются стабилизирующим фактором, позволяющим хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие определенной культуры, а также дифференцировать «своих» и «чужих» [8, с. 108–110].

Стереотипным, как мы уже отмечали выше, в русской вербальной культуре является представление о китайцах как о хитрых людях. Это репрезентировано в выражении *китайский шпион / разведчик*. Например: «Сейчас в душу полезет с сочувственной улыбкой... Или возопит: вот он, **китайский шпион!** Бейте его!..» [Цит. по НКРЯ: Солнцев Роман. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // Октябрь. 2002].

Выражение *китайский шпион* можно отнести к стереотипам-образам, а, например, фразеологизм *китайские церемонии* – к стереотипам-ситуациям, по классификации В. В. Красных [6, с. 46.]. Выражение возникло в XIX веке. Его значение (‘излишнее проявление любезности, вежливости’) сформировалось под влиянием стереотипного представления о сложном дворцовом этикете в древнем Китае. Например: «Послушай, Тая, будем говорить друг другу «ты», – к чему нам эти **китайские церемонии?**» [Цит. по НКРЯ: Островский Н. А. Как закалялась сталь. 1930–1934].

Единицы второй группы (со значением ‘плохое, некачественное’) относительно новые, они начали фиксироваться с 90-х годов XX века. В них отражаются представления о китайском как о плохом, низкопробном, некачественно сделанном. Формирование данного этностереотипа, возможно, связано с тем, что в постперестроечную

эпоху в России были востребованы дешевые товары китайского производства, не отличавшиеся высоким качеством. В эту группу мы включили слова и фразеологизмы *китайский* – ‘некачественно сделанный, быстро приходящий в негодность’; *шанхай* (мн. *шанхаи*) – ‘убогое жилище бедных; бедная, грязная, тесно застроенная и густонаселенная часть города’, ‘трущобы’ [13, с. 723]; *шанхайчик* – ‘пивная (обычно многолюдная, без сидячих мест)’ [4, с. 474]; два из четырех омонимов, существующих в русском языке: *китайка1* – ‘рынок, на котором продают дешевые китайские товары’, ‘сами эти товары’; *китайка2* – ‘постельное белье, которое, будучи уже использованным пассажирами, выдается проводником поезда другим пассажирам без стирки’, отсюда *скинуть (задвинуть, загнать и т.п.) китайку кому-либо* ‘выдать пассажиру поезда нестираное белье’ [4, с. 174], а также *получить белье из китайской прачечной* – ‘получить нестираное белье (обычно в поезде)’ [4, с. 308]; *носки Шаолиня* – ‘некачественные сигареты’ (очень крепкие, сделанные из некачественного сырья, с плохим запахом); *дядюшка / дядя Ляо* – ‘нелегальный производитель китайских некачественных товаров (в основном – техники)’.

Собственное имя *дядюшка / дядя Ляо* служит для русских мерой недобросовестности производителя, плохого качества изделий и, как следствие, источником отрицательной этической оценки. Данное значение выражается, например, в следующих контекстах: «*Очень даже китайский оригинал, собранный дядюшкой Ляо на коленке в сарае*» [15]; «*И «ролекс» твой, скорее всего, подделка дядюшки Ляо за десять долларов*» [10, с. 19]; «*Судя по качеству этот планшет в подвале у дядюшки Ляо делали*» [3]. Таким образом в языке фиксируется стереотипное представление о том, что товары, произведенные в Китае, не отличаются высоким качеством. Данный устойчивый стереотип в современной языковой картине мира соотносится с другим устойчивым стереотипом – *фабричный Китай*, указывающим на качественные, несмотря на место производства, товары.

По нашему мнению, фразеологические единицы, содержащие инокультурные топонимы, этнонимы или их дериваты и, как следствие, выражающие стереотипные представления русского человека о данной этнокультурной общности, могут при этом обладать эталонным или символьным значением.

Эталоны (квазиэталоны) являются определенными образцами для сравнения, отражая национальное мировидение и миропонимание. Их можно считать результатом народного соизмерения явлений окружающего мира и их оценки. Главная черта эталона – его образность. Это объясняется существованием в коллективном сознании людей определенных ассоциативных связей и представлений, которые происходят от общепринятого оценочного восприятия каких-либо явлений. «Эталоны могут иметь эксплицитную и имплицитную форму. Первая предполагает обязательно форму сравнения типа: *как, подобно...* Вторая содержит эталон без сравнения типа: *русский – метр с кепкой, итальянский – mezza tassa (букв. половина среднего роста)*» [14, с. 86].

Приведем примеры эталонов с эксплицитной формой в составе отобранных нами фразеологизмов, отражающих представления о Китае, китайцах и китайском в русской языковой картине мира.

Китай и Пекин в русском языковом сознании являются эталонами предельного, максимального для чего-либо расстояния, а также большой временной протяженности для его преодоления и, как следствие, недостижимости. Об этом свидетельствуют фразеологизмы: *как до Пекина / Китая раком; как до Китая (пешком)*. В первом случае указанные значения усиливаются с помощью образа рака, который передвигается пятясь, следовательно, очень медленно. Например: «*До лета еще, как до Пекина раком, – вздыхает Чебыкин*» [Цит. по НКРЯ: Алексей Иванов. Географ глобус пропил. 2002]; «*Ведь до ближайшей северной границы – как до Китая...*» [Цит. по НКРЯ: Стешин Дмитрий, Коц Александр. Газовая столица России закрылась от ваххабитов // Комсомольская правда. 2012. 21 дек.]; «*Будто бы в прошлом веке мужчины были "куда сильнее", и нам, сегодняшним, до них, как до Китая пешком*» [Цит. по

НКРЯ: Полеев Александр (врач-психотерапевт, проф.). Кошмары сильного пола // Труд-7. 2000. 7 сент.].

Об ирреальном временном пределе говорится во фразеологизме *как до китайской Пасхи*. В данном устойчивом сравнении эталонизировано представление о времени, которое никогда не наступит. Значение данного выражения мотивировано тем, что Китай не христианская страна и Пасху там не отмечают. Например: «Украине на сегодняшний день далеко до этого, **как до китайской пасхи**» [Цит. по НКРЯ: Камакин Андрей. «Как до китайской пасхи»: парламентарий оценил перспективы переговоров по Донбассу // Московский комсомолец. 2017. 14 нояб.].

Устойчивый компаратив *как китайский пионер / коммунист* отсылает нас к представлениям об эталоне дисциплинированности и самопожертвования. Вероятно, мотивирующей основой этого выражения послужил образ героя Китайской Красной армии Лэй Фэна (1940 – 1962), который, согласно легенде, по ночам стирал носки своих сослуживцев, поскольку считал, что таким образом он помогает своему народу. Современными русскими людьми такое поведение воспринимается как абсурдное, поэтому фразеологизм *как китайский пионер / коммунист* употребляется исключительно в иронических контекстах.

Одно из эталонных значений хитрости, отраженных в русской языковой картине мира, содержится во фразеологизме *хитрый, как сто китайцев*. Так говорят об изворотливом, лукавом человеке. Этот эталон опирается на стереотипное представление русских о китайцах как о хитрых людях, имеющее исторические, культурные, социальные и другие основания. В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика данный фразеологизм снабжен пометами: *шутл., неодобр., разг.* Например: «Петрович еще перед кризисом быстренько ликвидировал все свои рублевые запасы – **хитрый, как сто китайцев**» [Цит. по: 13, с. 257]. В современной русской речи данное выражение появилось сравнительно недавно, активно употребляется и имеет тенденцию к варьированию. Так, слово-сопроводитель *хитрый* говорящие меняют на *довольный, здоровый, злой, голодный, пьяный, наглый, тупой, наивный, усталый* и т.п. В этом случае фразеологизм утрачивает эталонное значение хитрости и приобретает другое – максимальной степени интенсивности чего-либо, чему способствует интенсификатор *сто*.

Как мы уже отмечали, эталоны могут иметь имплицитную форму, т.е. быть выраженными без помощи сравнения. Так, лицо человека, проснувшегося после обильных возлияний, характеризуется в русском языке следующими устойчивыми выражениями – *утро в китайской деревне* и *утро китайского пчеловода*. Эталонным в данном случае становится специфический разрез глаз представителя монголоидной расы, отличающийся от разреза глаз европейца. Мотивирующей основой данного выражения является то, как выглядит лицо человека, злоупотребившего спиртным: отекающие веки и чрезмерно сузившиеся глаза. Фразеологизм *утро китайского пчеловода* содержит компонент, усиливающий эталонное значение. Интенсификация значения обусловлена следующим: 1) укус пчелы вызывает отек; 2) пчеловод с большей вероятностью может быть покусанным пчелами, чем тот, кто с ними не контактирует; 3) если укушенный в лицо пчеловод является китайцем, то его узкие от природы глаза станут еще более узкими.

Особенность китайского мировосприятия – любовь к поступательности, неспешности – тоже становится эталоном в русской языковой картине мира и выражается фразеологизмом *китайское терпение*. Любовь к поступательности считается национальной чертой китайцев. Данный этностереотип поддерживается китайскими пословицами, которые рекомендуют не гнаться за немедленным результатом, двигаться к цели шаг за шагом, жить, сохраняя спокойствие, и ждать, пока цветы распустятся сами. Фразеологизм имеет шутливо-ироническую окраску, его употребляют, когда говорят об очень терпеливых людях. Например: «Пусть это требует времени,

не важно. У меня **китайское терпение**. Я все равно буду идти вперед» [Цит. по НКРЯ: Рачева Елена. Охота на кондора... // Новая газета. 2016. 25 нояб.].

В устойчивой единице *китайская стена* компонент *стена* обладает следующим символическим значением: 'что-либо прочное, способное противостоять натиску, преграда, граница, разделение', компонент *китайская* привносит в выражение значение интенсивности, а вся единица в целом имеет эталонные значения.

Фразеологизм *китайская стена* служит в русском языке эталоном препятствия, изолированности. Например: «Мы не хотим жить за **китайской стеной** и будем рады, если широкие круги ваших читателей познакомятся с работами моими и моих учеников» [Цит. по НКРЯ: Капица П. Л. О науке и ее организации в СССР. 1935]; «Но здесь перед работодателем великой **китайской стеной** вырастает проблема: а где взять персонал на время?» [Цит. по НКРЯ: Дядик Наталья. Временное явление // Дело (Самара). 2002. 2 июля]. Этимология данного устойчивого сочетания вполне прозрачна: Великая китайская стена – колоссальное сооружение, растянувшееся на 6 тысяч километров, достигающее в отдельных местах ширины 7 метров, высоты 10 метров; она защищала Китайскую империю от набегов кочевников и в какой-то степени способствовала изоляции страны от остального мира.

Кроме того, в России *китайскими стенами* стали называть очень длинные жилые здания. Самое известное из них – это дом, расположенный на улице Римского-Корсакова в Москве. Причем во многих советских городах были свои дома – «китайские стены». Эталонное значение непомерной длины данный фразеологизм имеет, например, в следующем контексте: «Пал Иванычу никак не удастся обогнуть длинный дом, который местные жители называют **“китайской стеной”**» [Цит. по НКРЯ: Титов А. М. Общежитие писателей // Волга. 2015].

Как уже было сказано выше, с нашей точки зрения, фразеологизмы, содержащие инокультурные топонимы, этнонимы и их дериваты, в данном случае связанные с Китаем, могут обладать в русской лингвокультуре не только эталонным, но и символическим значением.

Фразеологизм *китайская грамота* становится символом чего-либо непостижимого, недоступного пониманию. Например: «Я слышу хорошо знакомый текст, но он для меня – какая-то **китайская грамота**» [Цит. по НКРЯ: Васильева Светлана. Вернется ли ласточка?: (два этюда о литературе и театре) // Октябрь. 2003]. Возникновение выражения и его символического значения связано с конкретным историческим фактом. В 1618 году в Китай по поручению царя Михаила Федоровича отправилась представительская миссия с целью установления торговых связей с далекой страной. Цель была достигнута, договоренность о торговых делах между двумя странами оформлена в виде грамоты и привезена в Россию. Но прочитать эту грамоту, написанную на китайском языке, иероглифами, никто не мог. Ее перевели только через 57 лет.

В современной русской речи выражение *китайский болванчик* чаще всего обозначает фарфоровую статуэтку божка с качающейся головой. В Китае такой фигурке придавали важный, почти сакральный смысл. Она олицетворяла смеющегося Будду, который был символом радости и процветания. Такую фигурку ставили в домах, считая, что она приносит удачу, избавляет от болезней. В Европе эти древние смыслы были потеряны, фигурки с качающимися головами стали использоваться как модное украшение интерьера. Впервые такие статуэтки в стиле *шинуазри* (от французского *chinoiserie* – использование мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в европейской культуре) как элемент декора появились во Франции, а затем распространились по всей Европе. В русском языке у сочетания слов *китайский болванчик* сформировались символические значения – 'человек, пассивно соглашающийся с остальными', а также 'самодовольный, ограниченный человек' [12, стлб. 167]. Например: «Ага, – парень утвердительно кивнул головой. **«Прямо китайский болванчик!»** – подумал Гуров, но перебивать парня не стал» [Цит.

по НКРЯ: Леонов Николай. Лекарство от жизни. 2001]; «А вот никто не подумал о том, что **китайские болванчики** просто-напросто владеют законами Вселенной, где прописано, что человек всегда получает то, что есть его мысли» [Цит. по НКРЯ: Кириллин Анатолий. С собой не возьму // Сибирские огни. 2012].

Наиболее частотным в русском языке является применение выражения *китайский болванчик* в сравнительных конструкциях. В таких случаях фразеологизм приобретает эталонное значение. При этом акцент смещается в сторону сравнения внешнего вида фигурки и человека: *качал головой, как китайский болванчик; с поднятыми вверх, как у китайского болванчика, руками; большая голова, как у китайского болванчика*. Например: «Да говори же ты наконец, – затряс он ее плечи с такой силой, что голова ее, **как у китайского болванчика**, зашаталась из стороны в сторону» [Цит. по НКРЯ: Сухов Евгений. Делу конец – сроку начало. 2007].

Фразеологизм *китайские тени* отсылает нас к истории особого театра теней, который появился в Китае, имеет многовековую (более двух тысяч лет) традицию и представляет собой развлечение, состоящее в исполнении сценок при помощи теней, отбрасываемых на транспаранте движущимися фигурками. В Европе он стал известен сравнительно недавно – в XVIII веке. Игра теней стала восприниматься в символическом значении: весь этот мир – театр, иллюзия. В современной русской речи фразеологизм *китайские тени* символизирует некую абстракцию, умозрительную конструкцию, противопоставленную живому, непосредственному, конкретно-чувственному. Например: «Такие случаи и неприятности могли бы огорчить другого, но я родился философом – сносил все равнодушно и твердил любимое слово свое: **«Китайские тени! Китайские тени!»** Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные остатками моего имени, грозились посадить меня в тюрьму» [Цит. по НКРЯ: Карамзин Н. М. Моя исповедь. 1802]; «Нам в 1869 году рисуют людей, живших в 1837 году. К чему эти **китайские тени**? Детям они не нужны: взрослым еще менее» [Цит. по НКРЯ: Шелгунов Н. В. Талантливая бесталанность // Дело. 1869. № 8]; «Перед сановными зрителями из Политбюро и ГПУ они только **китайские тени**, которые жестикулируют так, как хочет того скрытый за кулисами и держащий их за веревочку распорядитель» [Цит. по НКРЯ: Керенский А. Ф. Голос из далека // Дни: еженедельник. Париж, 1928]. Русский поэт Г. Иванов дал название «Китайские тени» своей книге воспоминаний о современниках (Блоке, Гумилеве, Мандельштаме и др.).

Фразеологизм *китайские тени*, так же как и фразеологизм *китайский болванчик*, часто используется в русском языке в составе кампаративов и приобретает эталонное значение ('схематизм, отсутствие конкретных очертаний'). Например: «Вот перед ним, **как китайские тени**, мелькают картины этого прошедшего» [Цит. по НКРЯ: Григорьев А. А. Один из многих. 1846].

В современных условиях Китай и китайские реалии (например, город Ухань, из которого, как считается, начал распространяться коронавирус) стали символизировать источник пандемии, охватившей мир. Возникла даже шуточная фразеология и паремиология, например: *Когда Китай чихает, мир заболевает, Китайская фигня, обойди стороной меня (уйди от меня)*. Некоторые из таких единиц являются переделками известных крылатых выражений: *Все дороги ведут в Ухань* в значении 'источником коронавируса является город Ухань' (ср.: *Все дороги ведут в Рим*), *В Ухане всё спокойно* в значении 'в Ухане ситуация с коронавирусом стабилизировалась или кажется таковой' (ср.: *В Багдаде всё спокойно ← На Шипке всё спокойно*), *Бойтесь китайцев, дары приносящих* в значении 'опасайтесь заразиться коронавирусом при общении с китайцами' (ср.: *Бойтесь данайцев, дары приносящих*). Все указанные выражения являются, по терминологии В. Л. Архангельского, устойчивыми фразами, то есть фразеологическими единицами, построенными по модели предложений [1, с. 177]. В примерах, приведённых выше, варьирование связано с заменой компонента,

такие трансформации устойчивых фраз В. Т. Бондаренко называл лексическими субституциями [2, с. 51–63]. Варьируемые компоненты (Рим → Ухань; Шипка → Богдад → Ухань; данайцы → китайцы) в наших примерах, по классификации В. Т. Бондаренко, относятся к одному тематическому ряду (названия городов – в первом и втором, названия этносов – в третьем) [2, с. 54–57].

Таким образом, как показывает предшествующий анализ, в русском языке существует более тридцати лексических и фразеологических единиц с инокультурными топонимами, этнонимами и их дериватами (*Китай, китаец, китайский* и др.), которые в качестве эталонов, стереотипов и символов функционируют в русской языковой картине мира и входят в следующие базовые лингвокультурные коды: пространственный (как *до Пекина раком, китайская стена*), временной (как *до китайской Пасхи*), акциональный (*китайские церемонии, последнее китайское предупреждение*), антропоморфный (*китайский шпион / разведчик, китайский пионер, дядя / дядюшка Ляо*), фетишный (*китайский болванчик*).

Исследование лексических и фразеологических единиц с инокультурными топонимами, связанными с китайскими реалиями, показало, что в русской языковой картине мира они формируют два основных этностереотипа: 1) интенсивно выраженное (сложное, непонятное, странное и др.); 2) плохое, некачественное.

При этом в русской лингвокультуре указанные единицы могут не только являться стереотипами, выражая представления русского человека об определенной этнокультурной общности, но и обладать эталонным (как *сто китайцев, как до Пекина раком, как до китайской Пасхи* и др.) или символьным значением (*китайский болванчик, китайские тени, китайская грамота*).

Список источников и литературы

1. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
2. Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи : монография. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2011. 153 с.
3. Дядюшка Ляо [Электронный ресурс] // [Сленг: словарь]. URL: <https://www.moloto.ru/sleng/d/dyadyushka-lyao.html> (дата обращения: 13.02.2020).
4. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. 672 с.
5. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012. 456 с.
6. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. Лаптева М. Л. «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве: познавательный словарь-справочник. Астрахань: Сорокин Р. В., 2019. 204 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2004. 208 с.
9. Национальный корпус русского языка [НКРЯ] [Электронный ресурс] : сайт. 2003–2021. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 13.02.2020).
10. Песочинский Д. М. Фотография как бизнес: с чего начать, как преуспеть... СПб.: Питер, 2011. 224 с.
11. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

12. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1: А – Кюрины / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. 1562 стб.
13. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 762 с.
14. Черданцева Т. З. Эталоны и стереотипные ситуации во фразеологизмах различных типов (на материале итальянского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 86–93.
15. Drom.ru: Форумы об автомобилях в России [Электронный ресурс]. 1999–2021. URL: https://forums.drom.ru/toyota-caldina-carina-corona-premio-allion-avensis/t1151428_750.html (дата обращения: 21.01.2019).

References

1. Arkhangelsky V. L. *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii*. [Set Expressions in the Modern Russian Language. Fundamentals of the Theory of Set Expressions and Issues of General Phraseology]. Rostov-on-Don: Rostov University Publ., 1964. 315 p. [In Russian].
2. Bondarenko V. T. *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi: Monografiya*. [Set Phrases in Russian Speech: Monograph]. Tula: Izd-vo TGPU im. L. N. Tolstogo Publ., 2011. 153 p. [In Russian].
3. *Dyadyushka Lyao. Sleng: Slovar'*. [Uncle Liao. Slang: Dictionary]. URL: <https://www.molomo.ru/sleng/d/dyadyushka-lyao.html> (Accessed: 13 February 2020). [In Russian].
4. Elistratov V. S. *Tolkovyy slovar' russkogo slenga* [Explanatory dictionary of Russian slang]. Moscow: AST-PRESS KNIGA Publ., 2010. 672 p. [In Russian].
5. Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii. Kody kul'tury*. [A Linguoculturological method in phraseology. Culture codes]. Moscow: LENAND Publ., 2012. 456 p. [In Russian].
6. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya*. [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moscow: Gnosis Publ., 2002. 284 p. [In Russian].
7. Lapteva M. L. «Chuzhoye» v «svoem» frazeologicheskom prostranstve: poznatel'nyy slovar'-spravochnik. ["Alien" in "Own" phraseological space: a cognitive dictionary-reference]. Astrakhan: Published by Sorokin Roman Vasilievich, 2019. 204 p. [In Russian].
8. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya*. [Linguoculturology]. Moscow: Academia Publ., 2004. 208 p. [In Russian].
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka*. [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 13 February 2020). [In Russian].
10. Pesochinsky D. M. *Fotografiya kak biznes: s chego nachat', kak preuspet'...* [Photography as a business: where to start, how to succeed ...]. Saint Petersburg: Peter, 2011. 224 p. [In Russian].
11. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty*. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: School "Languages of Russian culture" Publ., 1996. 288 p. [In Russian].

12. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. V 4 tomakh. T. 1 [Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes. Vol. 1]. Ed. by prof. D. N. Ushakov. Moscow: OGIZ Publ., 1935. [In Russian].
13. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi*. [Large dictionary of Russian colloquial expressive speech]. St. Petersburg: Norint Publ., 2004. 768 p. [In Russian].
14. Cherdantseva T. Z. Etalony i stereotipnyye situatsii vo frazeologizмах razlichnykh tipov (na materiale ital'yanskogo yazyka) [Standards and stereotypical situations in phraseological units of various types (based on the Italian language)]. *Kul'turnyye sloi vo frazeologizмах i v diskursivnykh praktikakh* [Cultural layers in phraseology and discourse practices]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. Pp. 86–93. [In Russian].
15. *Drom.ru: Forumy ob avtomobilyakh v Rossii* [Forums about cars in Russia]. URL: <https://forums.drom.ru/toyota-caldina-carina-corona-premio-allion-avensis/t1151428750.html> (Accessed: 21 January 2019). [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторах

Абрамова Вероника Игоревна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: istinjobraz@mail.ru).

Архангельская Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник кафедры
документоведения и стилистики
русского языка ФГБОУ ВО «Тульский
государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого»
(e-mail: archangelju@yandex.ru).

Information about the Authors

Abramova Veronika Igorevna,
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of the Russian
language and literature,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: istinjobraz@mail.ru).

Arkhangelskaya Julia Vladimirovna,
PhD in Philology, Senior researcher of the
Department of Documentation
and Stylistics of the Russian language,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
(e-mail: archangelju@yandex.ru).